

ПАСТЫРЬ ДУШЪ.

(Памяти о. Василя Боровецкаго).

Господи, доколѣ будешь гнѣваться на насъ? Неумолимая смерть уноситъ въ могилу все лучшія силы, примѣрныхъ пастырей Церкви, которые беззавѣтно отдались великому пастырскому дѣлу. А остаемся на землѣ мы грѣшныя, недостойные служители...

15 Апрѣля въ 10 часовъ утра въ селѣ Боровецкомъ скончался о. Василій Соколовъ, который въ народѣ былъ извѣстенъ болѣе по мѣсту своего служенія, какъ и о. Іоаннъ Сергіевъ.

Нѣсколько лѣтъ о. Василій былъ боленъ, жизнь боролась со смертью. Нѣсколько разъ онъ находился на краю могилы, но Господь хранилъ его для православнаго народа. Онъ и лежа въ постели, больной, служилъ Церкви Божіей и весьма плодотворно. За три мѣсяца до смерти онъ перебрался въ родной Борокъ, гдѣ положилъ свои лучшія силы, а предъ тѣмъ жилъ въ Вологдѣ на пенсіи. И къ его маленькой квартиркѣ шелъ народъ: и горожане и сельчане, пріѣзжавшіе иногда нарочно, чтобы побесѣдовать съ отцомъ духовнымъ, оказывавшимъ своимъ словомъ благодѣтельное воздѣйствіе на душу человѣческую. Въ послѣдніе мѣсяцы оживился Борокъ, туда потянулись жаждающіе спасенія и ищущіе истинныхъ путей жизни, но слабый о. Василій говорилъ уже мало,

онъ благословлялъ всѣхъ на добрую христіанскую жизнь, но его подвижническое лицо своей горячей вѣрой и надеждой на милость Божію проповѣдовало не меньше словъ.

Не стало батюшки. Угасъ свѣтильникъ, грѣющій людскія сердца. Духовныя дѣти его въ великой скорби—лишились духовнаго благодѣтеля.

Что влекло къ о. Василию Боровецкому не только его многочисленныхъ прихожанъ, но и другихъ почитателей даже изъ отдаленныхъ отъ Борка мѣстностей?

Первые годы своего священническаго служенія о. Василій не былъ извѣстенъ, онъ не представлялъ изъ себя ничего особеннаго, онъ съ грустью сознавалъ, что страшится суда Божія за начало своего пастырскаго дѣланія. „Я и выпивалъ, и курилъ табакъ, жилъ въ суетѣ житейской, не понуждалъ себя къ стяжанію дара молитвы. По долгу священства я говорилъ народу о вредѣ пьянства, о пагубности пороковъ, но робко, не смѣло, я самъ чувствовалъ въ совѣсти: всякій можетъ сказать мнѣ: врачу исцѣлился самъ. Мое слово было мѣдью звенящею, мое слово было не опытное, я не примѣнялъ самъ средствъ борьбы со грѣхомъ, я не плакалъ о томъ, что сдѣлался плѣнникомъ грѣха. Совѣсть по временамъ мучила, но я мало двигался впередъ въ устройствѣ своей духовной жизни. Постѣтилъ меня Господь болѣзнью и произошелъ переломъ въ моей духовной жизни. Я очнулся, созналъ свое окаянство, предо мною ясно открылись истинныя пути пастырскаго служенія: обновленіе внутреннее, борьба со страстями, устройство своей духовной храмины и опытное служеніе паствѣ въ созиданіи душевнаго спасенія ея, въ прямомъ, вѣрномъ отвѣтѣ ея духовнымъ запросамъ словомъ и примѣромъ христіанской жизни пастыря.“

Кто зналъ о. Василия Боровецкаго до болѣзни, тотъ, встрѣтившись съ нимъ, не узнавалъ его вслѣдствіе разительной перемѣны, произшедшей въ духовномъ строѣ священника. Теперь уже не робкое было его слово, а горячее, воодушевляющее, призывающей къ покаянію, обновленію жизни благодатію Христовою, которая засвѣтилась въ его бодромъ, радостномъ лицѣ. Измѣнились навыки о. Василия. Онъ сдѣлался воздержнымъ, строгимъ къ себѣ. Постъ о. Василій несъ суровый. А главное онъ занялся внутреннею борьбою, работою надъ своимъ духовнымъ существомъ. У него появились мало вѣдомые доселѣ и, къ сожалѣнію, мало вѣдомые духовенству, мало читаемыя имъ руководства къ духовной жизни; онъ сталъ искать уже духовныхъ собесѣдниковъ, съ которыми бы могъ обсудить о средствахъ внутренняго дѣланія, и находилъ ихъ даже среди своихъ прихожанъ, проникнутыхъ любовью Христовою; смиреніе о. Василия позволило ему у нихъ, особенно у одного боголюбиваго мірянина, искать совѣтовъ духовныхъ, его повлекло къ невѣдомому доселѣ утѣшенію

посѣщенія св. мѣстъ и бесѣды со старцами. О. Василій всюду искалъ бисеринки истиннаго знанія, черпалъ воду живую, дабы приобрѣсти нужный запасъ для великаго служенія Церкви Божіей и спасенія душъ человѣческихъ, ввѣренныхъ его попеченію. Мнѣ хочется здѣсь сообщить разсказъ, слышанный мною изъ его устъ, характеризующій личность о. Василя послѣ перелома въ духовной жизни, разсказъ, говорящій о его смиреніи, которое стяжалъ онъ путемъ раскаянія и самоуглубленія.

„Были мы съ дѣдушкою (такъ онъ звалъ тестя—протоіерея) въ Кіевѣ. Остановились мы въ Лаврѣ. Съ дороги выпили чайку и пошли въ соборъ поклониться образу Пречистой. Входимъ. Служба кончилась. Маленькій послушникъ мететъ полъ въ храмѣ. Мы къ нему—намъ надо приложиться къ образу (который виситъ надъ царскими вратами). „—Служба уже кончилась, сказалъ послушникъ, да вы можете быть поѣли? Ужъ утромъ лучше на-тощакъ приложитесь къ святынѣ“.

А мы-то, съ горечью и самоукореніемъ говорилъ о. Василій, чурки этикіе, еще попами называемся, наѣлись да къ чудотворному образу прикладываться полѣзли. Похвалилъ я мальчика.

Въ Боровецкій храмъ сталъ ходить народъ все усерднѣй и усерднѣй. Онъ чувствовалъ сердце пастыря—молитвенника во время совершенія имъ божественной службы. Батюшка служилъ проникновенно, его возгласы, чтеніе молитвъ трогали душу народа. Большой храмъ Боровецкій съ трудомъ сталъ вмѣщать богомольцевъ. Въ храмѣ въ воскресные дни было жарко такъ, что стѣны дѣлались мокрыми, молящихся было такъ много, что трудно было перекреститься. Потъ градомъ падалъ съ лица ихъ. Но они терпѣливо стояли не два часа, не три, а и по пяти—по шести и говорили, что уходитъ изъ церкви не хотѣлось. Батюшка молился сердцемъ и они молились. О. Василій постарался, чтобы служба въ приходѣ была почти ежедневно, и въ будни приходили люди молиться. Батюшка часто проповѣдывалъ слово Божіе. Онъ не бичевалъ, не обличалъ, онъ раскрывалъ пороки и недостатки людскіе, призывалъ къ покаянію, внушая, какъ мерзки они, онъ указывалъ мѣры и средства борьбы. Въ его проповѣди слышались изреченія св. отцовъ Церкви—эти драгоценныя жемчужинки, которыя собиралъ о. Василій въ сокровище своей памяти, имъ передавались назидательные разсказы изъ жизни св. угодниковъ Божіихъ. На горячій, жизненный призывъ къ спасенію пошелъ народъ и изъ другихъ приходоу. Уже наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней являлись на Борокъ паломники, чтобы помолиться съ батюшкой, услышать его назидательное слово. О. Василій, не переставая проповѣдывать въ храмѣ, повелъ бесѣды еще въ церковной келліи. Сколько народа, жаждущаго воды живой, живого слова сбиралось на эти бесѣды, съ какимъ вниманіемъ онъ слушалъ рѣчь пастыря! Каждое слово

было понятно, было близко сердцу вѣрующихъ. Подолгу затягивались бесѣды. „Нерѣдко врагъ искушалъ, говаривалъ о. Василій, внушалъ то подъ предлогомъ болѣзни, то по множеству другихъ дѣлъ приходскихъ оставлять эти часы простой задушевной проповѣди. То холодность являлась въ сердцѣ, иногда самомнѣніе. Но призывъ къ Богу за помощью воодушевлялъ и укрѣплялъ. Въ минуты искушеній чувствовалось, что и слушатели вмѣстѣ со мною холодѣли, скучали, но при подъемѣ моего духа, сознавашаго ничтожность свою безъ подкрѣпленія благодатію Христовою, оживлялись и умилялись.“ Сколько добрыхъ сѣмянъ посѣяно на нивѣ сердецъ человѣческихъ во время такихъ бесѣдъ, сколько страданій облегчено, сколько людей возвращено на истинный путь! О. Василій своимъ словомъ производилъ на слушателей такое чудное дѣйствіе, что, кажется, скажи онъ имъ—пойдемте совершить такой или иной геройскій подвигъ, они, не задумываясь, пошли бы за нимъ. Словомъ своимъ о. Василій размягчалъ сердца. Бывало лишь скажетъ о положеніи какой нибудь несчастной семьи, посѣтуетъ, что въ храмѣ того-то недостаетъ или другого, открывалось сердце слушателей и они устраивали обильный сборъ. Самъ о. Василій подавалъ первый примѣръ. Вѣсть о добромъ пастырѣ душъ, съ любовью принимавшемъ всѣхъ скорбящихъ и обременныхъ грѣхами, широко неслась. Приѣзжали къ о. Василию и дальніе гости и изъ г. Вологды люди интеллигентные, священники за мудрымъ совѣтомъ, назиданіемъ. Побываютъ разъ, ихъ потянетъ другой, третій. Въ о. Василии, въ его рѣчахъ, въ его обращеніи, его совѣтахъ чужалось близкое, родное, дорогое, не хотѣлось разставаться съ нимъ... Онъ врачевалъ, онъ возрождалъ, обращалъ къ новой жизни совсѣмъ погибавшихъ людей.

Однажды въ вагонѣ желѣзной дороги во время поѣздки я разговаривалъ съ сосѣдомъ по мѣсту крестьяниномъ, по виду благочестиво настроеннымъ, оказавшимся дѣйствительно хорошимъ хрістіаниномъ. Онъ ѣхалъ провѣдывать въ Вологду духовнаго отца Василія Боровецкаго; часто навѣщалъ онъ его. Веніаминъ, такъ звали сосѣда, крестьянинъ Грибцовскаго прихода, рассказывалъ мнѣ, почему онъ питаетъ любовь къ батюшкѣ, къ которому его такъ влекло. „Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ настоящимъ разбойникомъ. Въ одномъ карманѣ—ножъ, въ другомъ револьверъ у меня были постоянно. Никого не жалѣлъ, ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, какъ говорятъ. Я былъ грозой для сосѣдей. Веньку, да Данилку, моего пріятеля, боялись всѣ, даже имени пугались. Тяжело должно быть становилось народу отъ нашихъ безобразій, онъ рѣшилъ прикончить съ нами. Днемъ я ужъ не показывался въ деревнѣ, только ночью выходилъ изъ дома. Тоска напала на меня. Жить, какъ слѣдуетъ, не могу. А такъ, по прежнему, нельзя жить, убьютъ, какой отвѣтъ дамъ на

томъ свѣтъ Господу? Разъ темною ночью, не сказавшись никому, ушелъ я изъ дома на Борокъ, прослышалъ, что есть тамъ батюшка хорошій, который можетъ дать совѣтъ и направить на путь спасительный. Батюшка о. Василиій ласково принялъ меня. Я рассказалъ ему про свое горе, просилъ исповѣдать меня. Батюшка сначала отправлялъ меня исповѣдаться къ своему приходскому священнику, но я упросилъ его принять мое покаяніе. И точно вновь родился я, какъ исповѣдался у о. Василия. Я долго слушалъ его наставленія. Три дня прошло, и не видалъ, какъ пролетѣли они. Иду домой радостный, бодрый; попадается мнѣ навстрѣчу толпа сосѣдей, они вышли искать меня, думали, что меня кто нибудь злодѣя „уходилъ“. А я толпѣ — въ ноги. Простите, говорю, забудьте мои грѣхи, чѣмъ могу теперь, каждому изъ васъ услужу. Какъ мнѣ не любить о. Василия, онъ меня изъ бездны выволокъ,“ заключилъ свою рѣчь Веніаминъ. Поговорите съ боровецкими прихожанами, они расскажутъ вамъ дивные случаи вразумленія батюшки, обращенія имъ многихъ на спасительный путь жизни. Онъ никѣмъ не гнушался, всѣхъ принималъ, даже и въ болѣзни, бесѣдовалъ, не жалѣя силъ, искусно врачевалъ немощи душевныя, мудро руководилъ своихъ духовныхъ дѣтей, ибо самъ онъ опытно проходилъ путь отъ смерти къ жизни, отъ рабства грѣху къ сыновству Богу. О. Василиій внимательно и усердно изучалъ свой внутренній міръ съ его непрестанною борьбою, онъ дѣятельно велъ борьбу съ злымъ началомъ въ своей душѣ. Сохранился дневникъ батюшки, веденный имъ болѣе пяти лѣтъ — это раскрытіе болячекъ его души, это постепенное, медленное врачеваніе ихъ, устроеніе своего духовнаго міра. Отъ большинства страницъ при чтеніи дневника вѣетъ сильною скорбью о грѣховности природы человѣка, о немощи его, чувствуется, какъ авторъ съ болью въ сердцѣ досадуетъ на себя за то, что не устоялъ противъ козней врага. Но есть страницы, проникнутыя свѣтлымъ упованіемъ, радостью духовною, какъ плодомъ духовнаго подвига, каковою радостью Господь награждаетъ смиренныхъ рабовъ Своихъ. Читая дневникъ о. Василия, понимаешь, почему народъ шелъ къ нему во множествѣ, какъ къ родному отцу: онъ какъ опытный врачъ духовный лечилъ недуги обращающихся къ нему со своими нуждами.

Подвижническая жизнь, труды и скорби подломили силы о. Василия. Послѣдніе годы своей жизни на Борку онъ часто хворалъ. Раскинутость прихода, многотрудность служенія въ немъ побудила о. Василия оставить Борокъ, свой приходъ, съ которымъ онъ такъ сроднился душой. Тяжело ему было разставаться со своей паствой, со своимъ дѣломъ.

Но силы угасали... Онъ уже не могъ нести бремени служенія. О. Василиій въ 1904 году поступилъ на должность духовника Духовной Семинаріи и переѣхалъ въ Вологду. Духовныя дѣти

его, впрочемъ, нашли его и тутъ. Гости съ Борку и другихъ мѣсть—никогда не переводились у батюшки, пока онъ жилъ въ Вологдѣ. Они шли за лаской, за совѣтомъ, утѣшеніемъ.

Какъ духовникъ Семинаріи, о. Василій пользовался любовью со стороны воспитанниковъ, хотя ему и пришлось жить въ годы броженія. Ученики почитали своего духовника; когда онъ ходилъ къ нимъ бесѣдовать, они слушали его съ большимъ вниманіемъ, ибо его слово не было сухимъ, безсердечнымъ но простымъ одушевленнымъ жизненнымъ. Юноша чувствуетъ неподдѣльность и искренность сердца. Нѣкоторые воспитанники привязались къ о. Василю и въ послѣдствіи уже у постели больного ихъ можно было встрѣчать и наблюдать, съ какимъ благоговѣніемъ они слушали бесѣду своего любимого бывшего духовника.

И если бы эти живыя рѣчи о. Василя о пастырствѣ, о борьбѣ со грѣхомъ, о добродѣлани продолжались, если бы онъ еще послужилъ въ Семинаріи, можетъ быть влеченіе къ трудному пастырскому служенію, желаніе отдать ему свои силы появилось въ семинарскомъ юношествѣ въ большихъ размѣрахъ.

О. Василій ушелъ на покой, сталъ жить на свою маленькую пенсію. Онъ уже съ той поры сталъ все сильнѣе и сильнѣе прихварывать. Съ удивительнымъ терпѣніемъ онъ переносилъ посланное ему испытаніе—болѣзнь, которая его приковала къ одру. Объ одномъ тосковалъ онъ, что не могъ бывать въ церкви, это являлось для него великимъ лишеніемъ. Скорбѣлъ онъ на одрѣ болѣзненнымъ о грѣхахъ своихъ, но никогда не жаловался на судьбу свою, не ропталъ, что Богъ послалъ ему продолжительныя страданія, по временамъ онъ даже высказывался о великой пользѣ своей болѣзни для души. Подкрѣпленіе себѣ о. Василій искалъ въ частомъ причащеніи св. Таинъ. Счастливейшимъ днемъ своей жизни считалъ онъ тотъ, когда, по милости Божіей, онъ чувствовалъ въ себѣ силы съѣздить на извошкѣ къ ближайшей отъ квартиры Екатерининской церкви и поучаствовать въ совершеніи литургіи.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти о. Василій переѣхалъ на родной ему Борокъ, поселился тамъ въ своей маленькой келіи.

Вблизи храма, въ которомъ служилъ лучшіе годы жизни, о. Василій нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе. Массы народа собрались проститься съ дорогимъ ему пастыремъ, нисколько не забытымъ, хотя пять лѣтъ онъ и не жилъ на Борку. Многіе провожали его со слезами и плачемъ, какъ духовнаго отца и благодѣтеля, вполне сознавая, какого сокровища лишились они. Къ могилкѣ о. Василя тропа не заростетъ.

Игуменъ Неофитъ.